

О. А. СЕДАКОВА

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНО-РУССКИЕ
ПАРОНИМЫ

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

ИК

О. А. СЕДАКОВА

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНО-РУССКИЕ ПАРОНИМЫ

ПРЕДСЛОВИЕ	7
О пользе или счастье изучения языка	20
Источник и библиография	25
Материалы к словарю	25
Словарь приставок и соединительных (стягивающих)	29
Словарь приставок соударительных (алфавитный)	39
Общие поэмы	46
Словарь синонимов	48
Обозначение часов	51
Церковнославянский алфавит	52
Словарные статьи	53
Удлинитель греческих слов и их переводы на русский язык	404

11

Греко-латинский кабинет
Ю. А. Шичалина
Москва 2005

491.817 0103

Se 27t

General Series Re
(Slavic)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
О пользовании словарем	20
Источники и библиография	25
Список принятых сокращений (тематический)	28
Список принятых сокращений (алфавитный)	38
Общие пометы	46
Список слов под титлами	48
Обозначения чисел	51
Церковнославянский алфавит	52
Словарные статьи	53
Указатель греческих слов и их церковнославянских соответствий	404

EN

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий словарь относится к известному лексикографическому типу «ложные друзья переводчика», иначе говоря, к словарям вероятных (а порой и неизбежных) недоразумений, смысловых иллюзий. Недоразумения такого рода возникают, когда при работе с другим (и особенно близкородственным) языком читатель исходит из тех значений слов или морфем, которые известны ему по родному языку. В нашем случае добросовестный читатель, встретив в библейском или богослужебном церковнославянском тексте слово, которого он никогда не встречал в русском (например, *благъ*), скорее всего, справится со словарем. Но по поводу хорошо известного ему слова — скажем, «озлобленный» (*ωβλόβλεν्ड*) или «непостоянный» (*непостојаннýй*), у него может и не возникнуть сомнений. И в таком случае понимание известных стихов: *как непостојанно величе славы твоја* или *страстей моих непостојанное и лятое ѿтоли смѣщениe* окажется просто превратным. В церковнославянском слово *непостојаннýй*, передавая греч. *ἀστατος*, означает не «переменчивый», «неустойчивый», как в русском, а «тот, против которого нельзя устоять (*постојати*)», то есть «невыносимый, нестерпимый», «неодолимый». Дословный перевод приведенных выше стихов: «ибо нестерпимо великолепие славы Твоей» и «страстей моих неодолимое и свирепое умерь возмущение» (как видно из последнего перевода, и значения таких церковнославянских слов, как *ѹтолити* «уменьшить» и *смѣщениe* «возмущение, буря», не совпадают с русскими). Так же кардинально расходятся церковнославянское и русское значение причастия *ωβλόβленный*: русск. «обозлившийся» — цсл. «обиженный», « тот, кому причинили зло»: *ѡ вѣлѣкой дѣши христіанѣтъ... скорбѧщей же и ωβλόβленнѣй*: «о каждом христианине... страдающем и обиженном». Или глагол *трѣбовати*: русск. «решительно просить» — цсл. «сильно нуждаться»: *къ тебѣ прибегаю, чиста, спѣнил трѣбѧ: «к Тебе я обратился, Пречистая, нуждаясь в спасении»*. Такие слова, физически (своим звуковым и морфемным составом) совпадающие (или почти совпадающие) с русскими, но несущие другое значение, и включены в настоящий словарь. Поскольку почти все рассмотрен-

ные нами тексты представляют собой переводы с греческого, проверкой церковнославянских значений таких слов для нас, как правило, служил греческий оригинал.

Лингвистическая классификация этого явления затруднительна: внутри одного языка такие слова могли бы быть названы омонимами (в случае полного орфографического и фонетического совпадения)¹ или же паронимами (в случае некоторого расхождения). Но для классификации фактов двух разных языков оба термина, строго говоря, неприменимы.

Итак, в наш словарь включены церковнославянские слова, которые максимально совпадают с русскими (как в приведенных выше примерах)², и более приблизительные, с системными для двух языков звуковыми отличиями (как, например, цсл. ѿ на месте russk. ч: ѿѣщѧ). Кроме них мы включили в словарь и такие слова, которых в современном русском нет, но которые могут быть легко — и не правильно — «разгаданы» исходя из русскоязычной интуиции (например, ѹзвини — нора, цѣлованіе — приветствие). Кроме того, в словарь вошло некоторое число чисто казусных, случайных совпадений. Всего словарь содержит около 2000 словарных статей.

При отсутствии каких-либо индексов (указателей, симфоний) к церковнославянским богослужебным текстам весь материал собирался нами вручную. Естественно, он не может претендовать на полноту. Публикуемый текст — первая, в каком-то смысле пробная версия словаря, которая в дальнейшем должна дополняться, уточняться, исправляться. Мы приносим читателю извинения за некоторые очевидные недостатки.

Предшественником настоящего издания была предварительная публикация словаря в журнале «Славяноведение» (1992, 6 и далее). В доработке журнального варианта участвовали А. В. Марков и А. Ю. Никифорова. В сравнении с первой публикацией объем словаря увеличился почти в два с половиной раза, была проведена сплошная сверка с греческими оригиналами, уточнены значения и рубрикация значений отдельных слов, дополнены и отредактированы.

1. Так определяет их акад. В. В. Виноградов, рассматривая церковнославянско-русскую омонимию внутри русской лексики: В. В. Виноградов, История слов, М.: РАН, 1999, с. 217 и др.

2. О полном совпадении говорить не приходится, в силу различия орфографий и орфоэпий двух языков.

ны переводы примеров на русский. Наконец, была проделана работа по кодификации сокращений в ссылках на богослужебные тексты, в которой неоценимую помощь оказала монахиня Елена (Хилловская).

Составитель вполне сознает тот факт, что выбор того или иного слова как «опасного» для русскоязычного понимания не может быть обоснован строго формальным образом. Иначе, вероятно, и не бывает, когда дело касается семантики, т. е. значения и оттенков значения слова — той области языка, которая менее всего поддается формализации. Но главное, само отношение двух языков, церковнославянского и русского, чрезвычайно сложно — и было таким с самого начала.

По гипотезе Б. А. Успенского³, которую в целом разделяют многие современные историки русского языка, отношения церковнославянского и русского могут быть описаны в терминах диглоссии. Это значит: два по существу разных языка существуют во взаимодополнительных отношениях и воспринимаются их носителями как

3. Б. А. Успенский, История русского литературного языка (XI—XVII вв.), Мюнхен, 1987. Полемика отечественных и зарубежных славистов с моделью Б. А. Успенского связана, в основном, с ее упрощающим характером. Критики Успенского (Н. И. Толстой, D. Worth) обращают внимание на существование «средней зоны», смешанных славяно-русских текстов, в которых доля «простого» языка пропорциональна степени удаленности конкретного текста от сакрального центра, который составляет богослужение. Так, душеполезная литература для домашнего чтения содержит в себе больше русизмов (или, для других православных традиций, болгаризмов, сербизмов), чем гимнография; еще ближе к «простой мове» летописи, за ними следует деловая письменность и т. п. Таким образом, общая языковая картина древней Руси (как и других православных славянских традиций) предстает не как простая дуальная модель, а как ступенчатая иерархическая пирамида, нисходящая от «чистого славянского» к «простой мове» через ряд смешанных зон. Эта, более усложненная картина, тем не менее, не отменяет существенного характера отношений между книжным славянским и разговорным русским как между двумя вариантами одного языка.

Своебразный случай нового смешанного, гибридного языка — так называемый «духовный язык», сложившийся в XIX веке. Это своего рода профессиональный жargon русского языка с жестким этикетом употреблений, в котором грамматическая система целиком русская, но словарь по преимуществу славянский. На «духовном языке» писались проповеди и вообще сочинения на душеполезные темы.

Трудно переоценить значение этого «духовного языка» в создании официального советского языка 40—50 годов, который не менее чем на 70% состоял из славянismов.

один язык, в двух его функциональных (или pragматических) вариантах: профанином («простом», «поганом», устном) и сакральном («чистом», «правильном», нормированном, книжном). Профанным (мирским) языком на Руси были живые восточнославянские говоры, а позднее и русский литературный язык, сакральным — церковнославянский, в морфологическом отношении южнославянский по своему происхождению, а в семантическом — в значительной мере греческий (см. ниже). Области употребления сакрального и мирского языков были разграничены и не пересекались, так что самая возможность существования одного текста на двух языках, русском и славянском, представлялась невозможной и даже кощунственной (недопустимым при этом было не только храмовое употребление «простого» русского языка, но и бытовое применение «священного» церковнославянского). Церковнославянский, при всех изменениях, которые он претерпел с кирилло-мефодиевского времени до наших дней⁴, в замысле был закрытой системой, дистанцированной от бытовой речи (так же, как, по мнению историков церковного пения, древнейшие церковные распевы в своих мелодических обработках намеренно дистанцировались от фольклорных, народных). Язык книжности и богослужения должен был, в замысле, исключительно «сохраняться», передаваться «чистым» из поколения в поколение без перемен. Даже грамматическая и орографическая ошибка в нем могла восприниматься как ошибка вероучительная — и недаром: некоторые моменты орографии и грамматики церковнославянского имели не собственно языковое (то есть, грамматическое и фонетическое), но доктринальное обоснование (например, слово в значении Бог Сын в мужском роде⁵ или титлованное написа-

4. История этих изменений практически не описана до сих пор. Традиционной областью академического языкоznания был язык ранних кирилло-мефодиевских переводов, по преимуществу в индоевропейской перспективе и в его отношении к диалектной южнославянской основе.

5. Нужно заметить, что слово в этом значении, — Бог Слово, Логос, — относится к склонению на *о (склоняется: слово, слова, словъ..., т. е. так же, как иль, юбъ... и т. п.) и не имеет форм мн. и дв. числа. В м. р. слово употребляется преимущественно в зват. падеже: ий и слова бѣ жиагш, но встречается и вин. падеже: єдіно бѣзѣтнаго ий и слова ежїа въ лѣто рождши (Служ Усп стх бср), или же м. р. выражен прилагательным: чертогъ, въ нѣмже слово ѿневѣстивый плют (зл 1 сб Веч мал стх Гв сл н), хотя известно и употребление его в среднем роде: слово, прежде вѣкъ рождшесѧ (зл 8 Веч вел стх Гв 4). В других значениях слово может изменяться по склонению на со-

ние слова бѣцъ в значении Бог Отец — и в остальных случаях употребление его без титла). Что касается дополняющей «книжный» язык «простой речи» (вначале это были живые устные славянские диалекты, затем и письменный литературный русский язык), то она представляла собой открытую систему, ее нормы не были жестко определены и менялись широко. Взаимодействие, которое неизбежно происходило между этими двумя разноприродными, но чрезвычайно близкими стихиями (руссификация славянского, с одной стороны — и, с другой, славянизация русского, которая не ограничивалась заимствованием славянизмов в литературный язык в качестве словаря «высокого штиля»), шло скорее вопреки принятой иерархии языковых средств⁶. Современные дискуссии об уместности русского языка в богослужении свидетельствуют о том, что ситуация диглоссии у нас далеко не изжита.

Русское и славянское слово не заменяют друг друга так же просто, как, скажем, русское и французское, русское и латинское и под. Что имеется в виду в данном случае под простотой? Естественно, при переводе с любого языка на любой другой возникают большие и порой преодолимые только в обход и с натяжкой трудности, но не встает вопроса о самой возможности, допустимости перевода, то есть параллельного замещения одного слова другим (см. об этом ниже). Русский язык как бы передоверил славянскому целые области значений, для которых не выработал своего словаря, заимствуя при необходимости из запасов славянского. В качестве примера одного из таких многочисленных «пустых мест» в русском языке можно привести название для «основного нравственного термина»: в русском языке и в говорах нет соответствия книжному славянскому добродѣтель (ср. польск. спита).

гласный (тип и́во, и́х): слово, словей...; иметь формы мн. числа и всегда принадлежит ср. роду. (Благодарим Ф. Б. Людоговского за указание на необходимость такого уточнения).

6. Нужно заметить, что такое резкое разведение священного и профаниного в отношении языка, особенно укрепившееся в период так называемого «второго южнославянского влияния» под воздействием Тыновской школы и никогда уже не смягчавшееся, трудно увязать с замыслом самих создателей нового литературического языка, свв. Кирилла и Мефодия, чьим главным аргументом в оправдании перевода на новый язык была «простота» славян, требующая близкого и внятного для них, «местного» языка.

И главное: в переводе с одного языка на другой не встает вопрос о том, где собственно проходит граница языков. А этот парадоксальный вопрос с самого начала возникал в отношении «простого» и «книжного» языков древней Руси. И действительно: эта граница в значительно меньшей степени грамматическая, чем семантическая, то есть смысловая, стилистическая, функциональная. Это было только еще более очевидно, когда грамматические системы (в частности, именное и глагольное изменение) церковнославянского и живого русского (древнерусского) были гораздо ближе, чем теперь.

К настоящему времени грамматика, фонетика, отчасти синтаксис литературного русского и церковнославянского языков представляют собой самостоятельные и далеко расходящиеся языковые системы. Но с лексикой дело обстоит не так: существует значительная по объему область «общих слов», принадлежащих обеим системам одновременно — и при этом слов, чрезвычайно существенных для каждого из двух языков. Не физическая реальность, не «плоть» отдельного слова во многих случаях относит его к церковнославянскому или русскому языку, а исключительно семантика. Так обстояло дело и в древнейшую эпоху, когда, скажем, *жнётъ* как церковнославянское слово в первую очередь означало «жизнь», а как слово русских говоров — «пожитки, имущество». Эта двойственность «своего» и «чужого» в церковнославянском слове была заложена его создателями. Свв. Кирилл и Мефодий, переводя богослужебные тексты для «простой чади» (как называли себя славяне) с греческого на племенной диалект, еще не знавший письменности и традиции книжной образованности, должны были вложить в «плоть» славянского слова новую «душу», другое значение, которого местная культура еще не выработала. Это касалось и важнейших богословских понятий (так, слово *дух* в говорах и доныне значит только «дыхание», «жизненная сила»), и многого другого. Известный историк русского языка Александр Исаченко назвал церковнославянский «метемпсихозом греческого языка в славянские морфемы»⁷.

7. Впрочем, такое семантическое перерождение языка, на который переводится священный текст другой культурной традиции, скорее неизбежно. Исследователи Септуагинты (перевода семидесяти толковников) называют ее греческий язык во многом «изобретенным», полным «смысловых неологизмов», «смысловых гебраизмов», среди которых такие ключевые слова Св. Писания, как «святой» (*ἅγιος*),

Многие расхождения в значениях русского и церковнославянского слов, отмеченные в нашем словаре, объясняются именно греческим субстратом последнего, греческим смыслом в плоти славянских звуков и морфем. Некоторые загадочные значения связанны, как становится очевидным, с обычной переводческой ошибкой: цсл. *піща* и *піщний* в значении «сладость», «сладостный» (*ράй* *πίσθι*, *ράй* *πίσθιν*, *πίσθα πρινοπίσθινα*) происходят из смешения греч. *τροφή* (пища) и *τρυφή* (наслаждение). Для других системных замен, как, например, передача греч. *ἔλεόω* (помиловать) цсл. *ѡчісти* (в молитве мытаря, которая в евангельском тексте переводится: *милостівъ въди ми грѣшномъ*⁸, а в литургическом употреблении и многих производных от этой молитвах как *ѡчісти мѧ грѣшнаго*) собственно лингвистические причины указать затруднительно.

Вообще греческие образцы — не единственный источник расхождений церковнославянских и современных русских значений слова. Можно назвать и собственно славянские источники: те значения, которые утрачены в литературном русском языке, но сохранились в южно- и восточнославянских диалектах (например, *обѣдовати* в значении «завтракать»).

Значительны также изменения грамматической семантики, сдвиги словаобразовательных моделей. Так, отглагольные существительные на *-ание*, *-ение*, *-ие* в русском обыкновенно означают процесс, тогда как в церковнославянском они могут означать также и объект или результат действия. Например, цсл. *воспѣти* значит «то, что воспринято»: *и зѣви... ѿ лѣтъхъ воспѣти* («освободи... от воспринятого мной зла»); цсл. *желаніе* может значить «предмет страсти, то, что желанно»: *желаніе грѣшника погибнетъ* и под. Другое значение этой словообразовательной модели, также неизвестное русскому, — обозначение исполнителя действия: так *загѣленіе*, *моленіе* в славянском контексте могут означать соответственно «защитника» и «послов».

Притяжательные прилагательные могут быть синонимичны родительному падежу существительного: *и дѣлъ въ вѣдѣ голубинѣ* «и Св. Дух в образе голубя».

«праведный» (*δίκαιος*), «вера» (*πίστις*) — слова, в «натуральном» греческом не принадлежавшие строго религиозной сфере (B. Botte, P.-M. Bogaert, La Septante, Paris: Letozey & Ane, 1993).

Прилагательные, образованные от глагольной основы (типа *живъ*, *живый*), значительно ближе к глагольному значению, чем в современном русском: так, *живый въ помоши вышнаго* следует перевести не прилагательным «живой», а причастием «живущий» или глагольной конструкцией « тот, кто живет».

Русский язык не позволяет передать тонкие различия в грамматической семантике глагольных форм церковнославянского. Так, в определенных случаях аорист предпочтительнее передать на русском настоящим временем, а не прошедшим: *милость истина* — «милость истина встречаются».

Чтение словаря откроет перед читателем разнообразные виды сдвигов грамматической семантики и переосмыслений словообразовательных моделей.

Дистанция между церковнославянской и русской семантикой может быть различной.

Она может быть чрезвычайно далекой, с утраченными промежуточными звенями, как в цсл. *внѹшити*, «услышать» (глаголы *мод внуши гдн*) или цсл. *рѣшительный*, «освобождающий» (*страстн рѣшительныѧ*). Глагол *рѣшити* в знач. «освобождать» уже неизвестен русскому.

Церковнославянское слово может на своей периферии намечать то значение, которое становится основным в русском: так, цсл. *кълеветникъ* обычно значит «прокурор», «обвинитель на суде» (в том числе, справедливый обвинитель), но уже встречается и значение «ложный обвинитель», откуда недалеко до совр. русск. «злостного лжеца». И наоборот: русское слово может на своей периферии сохранять то значение, которое было основным в церковнославянском: глагол *требовать* в таких совр. русск. выражениях, как *платить требует починки*, сохраняет значение «настоятельно нуждаться», единственное для цсл. *требовати*: *ѡчищений икш бгъ не требу* («не имея нужды в очищении, как Бог»).

Иногда общая для двух языков семантика обнаруживается в другом морфемном оформлении: так, совр. русск. *нужда* значит то, что цсл. *требованіе*, но цсл. значение *нужда*, «насилие», сохранилось в русск. *принуждение*.

Стоит обратить внимание и на очень тонкие, почти неприметные различия, которые, тем не менее, сдвигают общее понимание текста. Такие ключевые слова Св. Писания и богослужебных текстов,

как *добрый* и *злый*, в совр. русск. обычно имеют психологический оттенок, предполагая что-то вроде душевного качества или психического состояния, тогда как в цсл. они этого оттенка лишены: *пастырь добрый* (греч. *καλός*) означает не «добродушный» или «добрый к своим овцам», а «хороший», «прекрасный», «настоящий» — в противоположность «пастуху негодному» (здесь и может быть употреблено цсл. *злый*).

Несколько иначе, чем в русском, выглядит смысловой объем церковнославянского слова *тихий* (*тихимъ и милостивымъ вонми бкомъ*): в нем акцентировано не значение «слабый по звучанию или по темпераменту, не громкий, не буйный»), а «не несущий в себе угрозы», «щадящий»; словом *тихий* передается также греч. *λαρός*, «веселый», «утешный», как в молитве «Свете тихий» (ср. *тиха во дателъ любитъ бгъ* — ибо Бог любит того, кто подает радостно).

Впрочем, детальное описание истории семантики и типологии расхождений — дело довольно отдаленного будущего, так же как и рассмотрение церковнославянской лексики на общеславянском фоне. Наша нынешняя задача — составить по возможности широкий свод такой лексики. Он дает, как нам представляется, увлекательные темы для лингвистической мысли, которая до последнего времени удивительно мало внимания уделяла истории церковнославянского языка и его своеобразию.

С другой стороны, такой словарь представляет собой практическое учебное пособие, своего рода введение в церковнославянский язык. Сама идея собирать и толковать слова такого рода возникла в опыте преподавания, когда стало очевидно, что именно эти мнимо знакомые слова (наряду с синтаксисом) часто и составляют главное препятствие к пониманию церковнославянского текста. Тем удивительнее, что словарей подобного типа до сих пор не было создано. Исключение — едва ли не единственное — составляет небольшой учебный словарик Н. Ильминского⁸.

8. Н. Ильминский, Слова, по своему составу и корню тождественные с русскими, но въ древнеславянскомъ языке имѣющія другое значеніе, в кн: Н. Ильминский, Обученіе церковнославянской грамотѣ в церковно-приходскихъ и реальныхъ училищахъ, кн. 1, СПб., 1891, с. 77—85. Этому замечательному деятелю православного просвещенія посвящена глава в недавно вышедшей книге А. Г. Кравецкого и А. А. Плетневой «История церковнославянского языка в России. Конец XIX—XX в.» (М.: Языки русской культуры, 2001, с. 45—50).

Несмотря на долгую традицию издания вспомогательных пособий к богослужебным текстам (словари, издания с построчным комментарием, опыты переводов, двух- и трехязычные издания отдельных текстов, учебники церковнославянского с комментированными хрестоматиями текстов), их изучение почти не встречалось с академическим исследованием истории языка. Последствия такого упущения дают о себе знать и в многочисленных совершенно произвольных толкованиях «темных мест» и в общем качестве понимания церковнославянских текстов⁹.

Неверные, модернизирующие понимания отдельных — и часто важнейших — слов традиции, ставшие привычными, переносятся и в переводы на другие языки: так, *ѹмилениe* (иконографический тип) повсеместно переводится на европейские языки как *Tendresse*, *Tenerezza* и под. (т. е. «нежность», «растроганность»). Однако значение этого цсл. слова (греч. *χατάνυξις*), как и родственных ему *ѹмилитись*, *мілъ быти* и под., имеет в виду не «нежность», а «сокрушение» и «помилование». Знакомство с существующими переводами православных богослужебных текстов на современные европейские языки (английский, французский, итальянский), которые в настоящее время употребляются Русской Православной Церковью в ее западных приходах, еще раз убеждают в острой необходимости словаря подобного рода: в этих переводах достаточно много модернизирующих толкований церковнославянской семантики как русской (из многочисленных примеров этого рода приведем хотя бы английский перевод тропаря на Вознесение: *ѡѣтвованіемъ глагъ ѿ йзвѣшнныемъ имъ бывшимъ баголовеніемъ* — by the promise of the Holy Spirit, which was announced unto them in the blessing: т. е. «о котором

9. Как многочисленны примеры глубокомысленных толкований таких неверно понятых значений слов в гомиетеике 19 века! Но даже такой величайший знаток церковнославянской традиции, как Е. Е. Голубинский, мог не знать обычного для цсл. значения: так, в своих замечаниях на текст Цветной Триоди, он предлагает заменить *мѣртвъ* на *смертенъ*, поскольку иначе, по его мнению стих пасхально-го екзаптиария *плотіи ѹтилъзъ икъ мѣртвъ* представляет собой бессмыслицу или автологию (греч. оригинал означает: «почивший во плоти, как смертный»). (Е. Е. Голубинский, О реформе в быте Русской Церкви, М., 1913, с. 124. Цит. по: Прот. Н. Балашов, На пути к литургическому возрождению, М., 2001, с. 193). В действительности же *мѣртвъ* в цсл. системно употребляется в значении «смертный», передавая греч. *ѹнѫтбс*. Цсл. *имѣртвый* же означает «смертносный», «смертельный» (см. соотв. статьи нашего словаря).

было дано им известие в благословении», тогда как цсл. *ѝзвѣшнны* означает «подтвержденный»)¹⁰.

Наконец, следует отметить, что некоторые различия и противопоставления значений, на которых построены многие размышления отечественных мыслителей XIX—XX веков, не находят подтверждения в церковнославянском языке. Это касается таких слов, как *правда* и *истина*, *красивый* (*красный*) и *прекрасный*. Никакого противопоставления в этих парах, вопреки распространенному мнению, церковнославянские употребления не обнаруживают.

Необходимо, однако, заметить одну интересную особенность. Сложные отношения русского и церковнославянского языков, их одновременная «раздельность и слияность», которую мы пытались описать выше, нельзя рассматривать только как источник множества ошибок и недоразумений. В некоторых случаях вчитывание русского значения в церковнославянское слово дает неожиданные и творческие культурные плоды. О цсл. слове «тихий» и его отличии от русского омонима речь шла выше. Также отличается от русского и цсл. *тѣплый*, означая не нечто среднее между горячим и холодным, умеренно горячее, но как раз наоборот: очень горячее, ревностное (*тѣплъ предѣтельница*). И вместе с тем, «тихий» и «теплый» — вероятно, самые характерные признаки того, что воспринимается как традиционно русское православное благочестие, — основаны не на славянских, а на русских значениях этих эпитетов!

Изо всего сказанного можно представить, каким образом наш словарь может исполнить не только справочное, но и учебное назначение. Его можно использовать как часть вводного курса церковнославянского языка (лексика, семантика, стилистика). Особая роль в этом принадлежит примерам, цитатам, которыми мы ста-

10. Инерция «русского» (или модернизированного) понимания церковнославянских слов так сильна, что от нее не могут избавиться и составители словарей. Так, в новейшем словаре старославянского языка, изданном в Болгарии, в качестве первого значения *болянь* дается «болезнь», а не «страдание вообще, и преимущественно душевное», чему противоречат приведенные там же примеры. То же касается слова *жнійтъ* — слав. «оставлять в живых», а не «оживлять», как в позднейшем языке, или слова *жнівъ* во фразеологии *вода жніва*, которую словарь толкует как «чудотворную, животворную воду», тогда как действительное значение этого гебраизма — ключевая вода, в отл. от стоячей (Старобългарски речник, том 1: А—Н, София: Валентин Траянов, 1999).

рались дополнить наши дефиниции, определения значений отдельных слов, и русским переводам этих примеров.

Здесь необходимы некоторые объяснения тому часто странному и неловкому русскому тексту, который сопровождает прекрасные церковнославянские цитаты. Мы стремились дать по возможности буквальный, подсобный перевод, совершенно не претендующий на литературное достоинство. Однако полный буквализм в иных случаях выглядел бы совершенно нелепо, и поэтому он несколько смягчен (в частности, порядок слов приближен к русскому). Таким образом, наш перевод может быть характеризован как служебный и в то же время компромиссный. В скобках даны дополнения, вводящие более широкий контекст приведенного стиха, и конъектуры, восполнения текста, необходимые для понимания. В разных словарных статьях читатель может встретить переводы одного и того же фрагмента, несколько расходящиеся между собой. Эти вариации связаны с тем, что в каждом случае мы стремились акцентировать значение того или другого слова, иллюстрацией к которому служит данная цитата.

Перевод составлял, вероятно, самую трудную — и самую спорную — часть нашей работы. Отношения церковнославянского и русского, о которых речь шла выше, выявляются здесь со всей остrosностью: перевод часто звучит как профанация, снижение и слога, и смысла, как если бы мы перевели лирический шедевр Пушкина на плоское бытовое просторечие. Можно надеяться, что возможен и другой, поэтичный, художественный перевод церковнославянских текстов на русский язык, но пока мы предлагаем читателю только учебный прозаический подстрочник.

И, наконец, *otium post negotium*, кроме практического (справочного и учебного) назначения, словарь, если читать его как своего рода хрестоматию, может стать для читателя приятным досугом, поводом углубиться в размышления об истории русского и славянского слова, о смысловых темах и их вариациях, об устойчивом и изменчивом в языке.

Мы отдаём себе отчет в том, насколько несовершенной должна быть наша первая попытка свода и описания «двойных» русских — церковнославянских слов, как велико может быть число допущенных нами неточностей, ошибок, пропусков. Поэтому мы просим благожелательного читателя о снисхождении — а также о сотруд-

ничестве: поправках, советах и дополнениях, которые были бы драгоценны для нашей дальнейшей работы. Пусть читатель смотрит на этот наш опыт как на приглашение к общей работе.

Мы приносим благодарность всем, кто в разное время помогал в работе над словарем своими замечаниями и предложениями: М. А. Корноуховой, А. Г. Кравецкому и А. А. Плетневой, А. И. Шмайнай-Великановой, С. В. Хализеву, монахине Елене (Хиловской). Подготовка текста была бы совершенно невозможной без сотрудничества с М. С. Касьян, участие которой далеко превосходило собственную редакторские задачи.

С благодарностью вспоминая Никиту Ильича Толстого, моего первого учителя старославянского языка, сопроводившего своим вступлением публикацию первой журнальной версии словаря, его светлой памяти посвящаю этот опыт.

О. С.